

О СООТНОШЕНИИ КОННОТАТИВНОГО И ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

*Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С.П. Королёва*

В современной семасиологии наметились два подхода в отношении статуса прагматики в значении слова. Согласно одному из них, прагматическая информация рассматривается как сопутствующая оценочной, в связи с чем присутствует в семантике оценочно и стилистически маркированных слов [2; 13; 16 и др.].

Существует и иная точка зрения, согласно которой “в принципе все единицы словаря прагматически маркированы, но в разной степени” [1; 6; 7; 8]. Признается, что прагматический компонент включает сведения не только о стилистической принадлежности слова и заключенной в нем оценке, но и социологические характеристики участников коммуникации — социальный статус, профессиональная и этническая принадлежность, возраст, пол и другие признаки.

Однако сторонники как “узкого”, так и “широкого” подходов не акцентируют внимания на самостоятельности прагматического компонента в структуре лексического значения, ограничиваясь констатацией присутствия прагматики в семантике слова. Полагаем, что причину подобного положения дел следует искать в том, что само понятие прагматики связывают то со сферой употребления слова, то трактуют как элемент его значения: “определение прагматики в значительной мере зависит от исходных позиций исследователя и значительно различается в трудах лингвистов” [8, 110].

В последние десятилетия все более широкое распространение в отечественном языкознании получает точка зрения, согласно которой объектом изучения прагматики является **прагматическое значение**, поскольку основу функционирования языка составляет выражение и передача значений. Значение языковых выражений составляет их конвенциональное, контекстно-зависимое употребление, а значит, коммуникативно-прагматический потенциал языкового выражения составляет часть его смысла. Тем самым снимается необходимость разграничения семантики и прагматики [4].

Однако, как отмечает И.А.Стернин, лексическое значение никаких других значений в себе не содержит, оно может содержать только **компоненты** (выделено нами — Н.П.) значения [Стернин, 1985]. Следовательно, если применительно к высказыванию уместно говорить

о прагматическом значении, то в отношении слова логично оперировать понятием “прагматический компонент”. Попытаемся определить содержание прагматического компонента и его место в структуре лексического значения.

Опираясь на точку зрения Н.Д.Арутюновой [3], мы полагаем, что прагматический потенциал слова в большинстве случаев связан с лингвистической категорией оценки. Признание непосредственной связи между оценкой и прагматическим компонентом на первый взгляд позволяет говорить о локализации последнего в коннотативном содержании лексического значения. Однако в лингвистике само понятие коннотации трактуется неоднозначно, а потому, как отмечает В.И.Шаховский, “по-прежнему остается привлекательной, но не поимманной жар-птицей для современной семасиологии” [17, 13].

Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что существуют оценочно и стилистически немаркированные слова, использования которых говорящие, тем не менее, предпочитают избегать, заменяя их эвфемистическими наименованиями. В области личных отношений замене подвергаются наименования некоторых физиологических процессов, состояний и определенных частей тела, названия болезней и смерти. В сфере социальной жизни – наименования репрессивных действий власти, отношений между различными национальными, социальными группами и их статуса, наименования сферы денег и некоторых профессий. [10].

Следовательно, в значении подобных слов имеется компонент, ограничивающий их употребление, при том, что оценочно, эмоционально и стилистически они не маркированы. По нашему мнению, именно этот компонент может называться **прагматическим макрокомпонентом** в структуре лексического значения.

Прагматический макрокомпонент лексического значения – это компонент, содержащий информацию о месте **самого слова** в системе культурно-языковых традиций, его оценку относительно социально установленной нормы и уместности употребления в социально параметризованном общении, возможные эмоциональные реакции адресата, зафиксированные вербальной памятью говорящего, а главным образом – информацию об условиях и последствиях использования слова.

Прагматический макрокомпонент может быть выделен в качестве самостоятельного макрокомпонента лексического значения, определяющего в общем виде условия употребления оценочно, эмоционально и стилистически не маркированных слов.

Например: *Помню несколько лет назад она (вдова музыканта В. Цоя – Н.П.) рассказывала, как учит японский.*

– А вот как выучила, так у меня это и обнаружили! – сказала однажды. Она не могла произнести слово “рак”. (КП 29.06. 2005)

Специфика прагматического макрокомпонента состоит в том, что содержательно он тесно связан с денотативным макрокомпонентом, обусловлен им, поскольку базируется на системно закреплённом знании-представлении о соответствующем денотате, но содержит информацию не о самом денотате и его оценке, а об уместности/неуместности, возможности/невозможности, а главное — желательности/нежелательности вербальной репрезентации (называния) денотата данным знаком в данной ситуации. Например:

Из денима сейчас шьют даже лифчики! А на пикантных местах делают белесые потертости (КП 16. 09. 2005). Фотоснимок, комментарием к которому выступает данный фрагмент, свидетельствует о том, что под *пикантными местами* подразумевается *сосок женской груди* (немаркированное в пределах литературной нормы сочетание, но “как-то неудобно произнести”).

Подобно функционально-стилистическому макрокомпоненту (в концепции И.А.Стернина этот макрокомпонент не является частью коннотации) прагматический макрокомпонент характеризует не объект номинации, а несет информацию о ситуации, в которой протекает речевой акт (формальная, неформальная, устная, официальная и др.) и об участниках общения. Прагматический макрокомпонент в лексическом значении оценочно и стилистически немаркированных слов возникает в результате того, что совокупность признаков, сопровождающих употребление того или иного слова (пауза перед произнесением, понижение голоса, интонация в устной речи или использование многоточия — в письменной, а также использование определенных речевых формул типа “грубо говоря”, “прямо сказать”, “если называть вещи своими именами”, “сказать по секрету”, “извиняюсь” и т.п.) закрепляются в сознании говорящего как признаки самого слова. Например:

Британские ученые вывели комаров с ... (пardon!) светящимися яйцами (в рамках эксперимента по стерилизации самцов и контроля численности комаров — Н.П.) *Кусаются, малярию распространяют самки, а серпом по ... — мужиков!* (КП 13-20. 10. 2005)

Особое значение выделение прагматического макрокомпонента в семантической структуре слова имеет при изучении эвфемизмов, при определении которых исследователи вынуждены оперировать понятиями, не имеющими прямого отношения к лингвистике: эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые “в определенных условиях для замены **нежелательных, невежливых, слишком резких** слов (выделено нами — Н.П.)...” [18; см. также 5, 521; 9; 10; 12; 14]. Это обстоятельство, в частности, вызывает справедливые замечания относительно лингвистического статуса эвфемизмов: “Такие нелингвистические понятия как “страх”, “этичность”, “деликатность”

и др. не могут служить достаточным основанием для выведения лингвистического понятия эвфемии” [11, 3].

Полагаем, что анализ структуры лексического значения слов, подвергающихся эвфемистической замене, и выделение в нем прагматического макрокомпонента позволит снять проблему собственно лингвистического описания эвфемизмов. Согласно нашей точке зрения, в структуре лексического значения табуируемых слов присутствует самостоятельный прагматический макрокомпонент, наличие которого предопределяет условия их замены эвфемистическими наименованиями.

Библиографический список

1. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. – Ташкент: Фан, 1988. – 121 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – 341 с.
4. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3 – 42.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 608 с.
6. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры: Автореф. дисс. ... докт. филол. н. – М., 2000. – 32 с.
7. Заботкина В.И. Новая лексика английского языка. М.: Высшая школа, 1990. – 125 с.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 333 с.
9. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: Учебное пособие к спецкурсу. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1988. – 80 с.
10. Крысин Л.П. Эвфемизмы современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М., 1996. – С. 384-407.
11. Кужим Г.Г. Универсальный лингвистический закон триады: мелиорация и детериорация в современном английском и русском языках, явление эвфемии в свете закона триады: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Армавир, 2003. – 17 с.
12. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. – 58 с.
13. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа., 1988. – 168 с.
14. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
15. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985.
16. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.

17. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.

18. Шмелев Д.Н. Эвфемизмы // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979. – С. 402.

И.В. Савина

СИНЕРГЕТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Самарский государственный университет

Несмотря на кажущееся разнообразие системных описаний как отдельного языка, так и языка в целом, большинство из них, начиная со структуральных схем Соссюра и Ельмслева и кончая постхомскианской традицией, неосознанно опирается на “ньютоновскую” парадигму однолинейного детерминизма, исходя из которой язык может быть представлен в виде закрытой равновесной системы, а речь сгенерирована с помощью строгого исчисления [4, 1]. Между тем сорокалетний опыт компьютерного моделирования речемыслительной деятельности (РМД) человека, результаты автоматического анализа и синтеза звучащей речи, а также данные, добытые другими направлениями экспериментального языкознания, настойчиво указывают на то, что в отличие от большинства искусственных систем переработки, хранения и передачи информации язык представляет собой открытую динамическую неравновесную метасистему.

Благодаря постоянному взаимодействию и обмену данными с другими информационными системами и внешними средами язык и вся РМД человека находятся в состоянии флуктуации, балансируя при этом между синхронией и диахронией, сохранностью и изменением, организованностью и энтропией, “порядком” и “хаосом”. Однако при всей своей внешней подвижности язык и индивидуальная РМД сохраняют внутреннюю когерентность благодаря действию механизмов самоорганизации и саморегулирования. Обнаружение и изучение работы этих механизмов и составляет предмет лингвистической синергетики.

Термин “синергетика” происходит от греческого “synergeia” – “содружество”, “сотрудничество” и акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого. Научный подход к проблеме получил отражение в дефинициях, которые включены в различного рода энциклопеди-